4 ДЕК 1948

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА

Ленинград

На театральные темы

О советской пьесе в Театре драмы имени А. С. Пушкина

У Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина, обладающего превосходными артистическими силами, есть давние хорошие традиции работы над советской пьесой, работы полноценной, проникнутой настоящей заинтересованностью в живом и ярком воплощении образов нашей действительности. Чтобы убедиться в этом, незачем возвращаться к сравнительно далеким временам, когда постановки «Бронепоезда», «Конца Криворыльска», «Страха» были большими событиями в общественно-художественной жизни Ленинграда, вызывали горячий отклик зрителей. Взволнованно, воодушевленно передавал театр пафос военных лет в таких спектаклях, как «Русские люди», «Фронт», «Нашествие». Театр в свое время проявил целеустремленную настойчивость, отстаивая право на постановку современной пьесы Б. Лавренева «За тех, кто в море» и успешно показал ее первым в стране.

Конкретным ответом театра на постановление ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» была постановка пьесы В. Чирскова «Победители». В этом спектакле с лучшей стороны сказалось живое чувство современности, стремление актеров и режиссуры достойно передать в ярких, страстных образах героику сегодняшней борьбы, большие дела советских людей-победителей.

С именами лучших актеров театра в представлении ленинградских зрителей связаны не только живописные образы классической литературы, но, пожалуй, прежде всего разнохарактерные образы наших современников. Навсегда запечатлелись лица старой большевички работницы Клары, санитарки Христины, мудрой, суровой старухи Демидьевны в исполнении Е. Корчагиной-Александровской. Зритель не забудет сценичное воплощение образа В. И. Ленина К. Скоробогатовым. Великий ученый И. В. Мичурин в актерской трактовке Н. Черкасова, большевики Сафонов, Мирон Горлов, Колесников, генерал Пантелеев, профессор Амбуладзе в передаче Ю. Толубеева, фельдшер Глоба, капитан второго ранга Харитонов и генерал Кривенко — Б. Жуковского, офицер Максимов — В. Меркурьева, шофер Минутка — К. Калиниса, Федор Таланов — В. Янцата... Этот перечень живых лиц, словно перешедших из зрительного зала на сцену, может быть продолжен читателем.

Но кому многое дано, с того многое и спросится. Естественна поэтому повышенная требовательность к каждому спектаклю, к самому характеру построения репертуара старейшего академического театра Ленинграда. Между тем, творческая практика Театра имени Пушкина вызывает в последнее время справедливые нарекания.

Руководство театра еще не сумело должным образом закрепить и развить идейно творческий под'ем, вызванный историческим постановлением ЦК партии о репертуаре драматических театров. Ослабление чувства ответственности руководителей театра особенно сказалось в дни перехода на новые условия бездотационной работы. На сцену хлынули наспех, небрежно сделанные «возобновления» идейно и художественно малоценных постановок — «Фландрия», «Мачеха», «Коварство и любовь». Неуважение к зрителю дошло до того, что некоторые из этих спектаклей стали показывать в случайном, «концертном» оформлении. Количественно постановки новых советских пьес занимают в отчетах о выполнении театром репертуарно-производственного плана значительное место. Однако качество этих спектаклей весьма неравноценно.

Достаточно перечитать отзывы о новых постановках пушкинского театра «Как закалялась сталь», «Хлеб наш насущный», «Великая сила», «Глубокая разведка», чтобы встретить неизменные упреки в непритязательности общего решения спектаклей, в поверхностном, примитивном подходе к ряду современных образов. Роль Милягина в «Великой силе» позволяла театру создать глубокий сатирический образ дельца-обывателя, низкопоклонствующего перед буржуазной «цивилизацией». Такой же благодарный материал для сатирического обличения врага колхозного строя давала роль Силы Силыча Тихого в пьесе «Хлеб наш насущный». Недаром эти образы, наиболее удавшиеся драматургам, оказались в ряде постановок других театров центральными. В спектаклях Театра имени Пушкина они сведены к легковесному театральному штампу водевильных глупцов, вызывающих в лучшем случае добродушную усмешку, но никак не гневное осуждение. Социально политическая острота драматургического материала таким образом притуплена.

После долгих раздумий (на пять лет позже МХАТа, где эта пьеса по сей день идет с большим успехом) руководство театра решило поставить пьесу А. Крона «Глубокая разведка» — одно из значительных произведений современной советской драматургии. Спектакль с трудом выдержал несколько представлений, потому что и здесь театр, как отмечала критика, обеднил его, принизил пьесу, воспевающую пафос социалистического труда, до заурядного, будничного уровня.

Успешность работы над современной темой (и это относится не только к Театру им. Пушкина), конечно, тормозится явным отставанием драматургов. Но как бы справедливы ни были претензии театра к драматургам, те же драматурги вправе пред'явить ему неменьшие упреки, особенно в тех случаях, когда в распоряжении театра оказывался интересный, благодарный материал. Значительность и полновесность образов, данных в последних постановках советских пьес в театре имени Пушкина Ю. Толубеевым, Н. Черкасовым, Б. Жуковским, А. Борисовым, Е. Медведевой, Е. Карякиной и некоторыми другими, слишком часто оттенялись мертвенным шаблоном исполнения иных ролей, вопиющей небрежностью, «провинциализмом» массовых сцен.

Недостаточно ответственное отношение руководителей театра и некоторых из актеров к советской пьесе резко проявилось в последней постановке «Крылья» И. Бражнина. Недостатки этого спектакля (как и пьесы) не могли не быть очевидными руководителям театра еще на просмотровых репетициях. Однако они ничего не предприняли для своевременного исправления недочетов, для должного укрепления состава актеров. Выпустив недоработанный спектакль на правах октябрьской юбилейной премьеры, театр так и продолжал его показывать в явно недостойном виде.

Легко понять, что именно должно было заинтересовать театр в пьесе «Крылья». И. Бражнин стремится рассказать о людях творчески воодушевленного труда, об их страстных поисках нового, их дерзаниях, мыслях, мечте. Образы таких людей — еще редкие гости на сцене.

Но одной актуальности темы слишком мало, чтобы спектакль мог увлечь, захватить, «окрылить» мысль, чувство зрителя.

Намечая интересные конфликты, автор «Крыльев» почти не дает развернутых характеров героев, в большинстве своем статичных, ограничивающихся произнесением цитат и притчей. Безличен их язык. Любовные недоразумения, дешевая шаблонно-театральная суета занимают в пьесе незаслуженно большое место. Тем печальней, что именно это больше всего увлекло режиссера и исполнителей. А раз так, оказалась бесцельной и постановка пьесы.

Центральная роль авиаконструктора Шатрова, вдохновенного искателя, решительно не удалась Л. Вивьену. Актер ограничил свою задачу в лучшем случае небрежным произнесением реплик. Между тем, в том же спектакле, в ролях отнюдь не более богатых по материалу, какими являлись роли конструктора Старосельского или маршала, Ю. Толубеев и Б. Жуковский все же смогли донести ощущение значительности, содержательности духовного мира, богатства жизненного опыта людей, о которых взялись рассказать со сцены!

Центральным, невольно вышедшим на первый план оказался в спектакле лихой испытатель Левченко, которого играет В. Меркурьев. И здесь театр снова терпит поражение, хотя по-своему, в узко профессиональном актерском плане Меркурьев играет броско, «доходчиво». Причины неудачи Л. Вивьена заложены в равнодушном отношении актера к роли, в безлично механической игре. Срыв В. Меркурьева — следствие театрального шаблона. Это напоминание о недопустимости подмены современного образа сценическим штампом, что, к сожалению, характеризует игру подавляющего большинства участников спектакля.

Обо всём этом приходится говорить со всей резкостью, потому что, к сожалению, такой поверхностный подход к образам нашей действительности, к работе над советской пьесой стал укореняться в практике крупнейшего драматического театра Ленинграда. Снижение чувства ответственности перед зрителем стало сказываться в деятельности руководства театра не только при подходе к современной теме. По художественному уровню, по примитивности трактовки пьесы немногим отличается от «Крыльев» и предыдущая премьера — комедия Б. Шоу «Профессия миссис Уоррен», поставленная художественным руководителем театра Л. С. Вивьеном. Спектакль лишен подлинной страстности и глубины критики лицемерия буржуазного общества. Случаен, непринципиален самый выбор пьесы, поверхностна, а порою просто вульгарна ее трактовка.

Полвека отделяет нас от времени, когда В. И. Немирович-Данченко, размышляя о репертуаре образцового русского театра, писал К. С. Станиславскому:

«...Если театр посвящает себя исключительно классическому репертуару и совсем не отражает в себе современной жизни, то он рискует очень скоро стать академически-мертвым. Если бы современный репертуар был так же богат и разнообразен красками и формой, как классический, то театр мог бы давать только современные пьесы, и миссия его была бы шире и плодотворнее, чем с репертуаром смешанным... Хороший театр должен ставить или такие пьесы из классических, в которых отражается благороднейшие современные идеи, или такие из современных, в которых теперешняя связь выражается в художественной форме».

Эти требования должны быть законом для советского театра, тем более носящего высокое звание академического.

Руководители Театра имени А. С. Пушкина стали проявлять непростительное пренебрежение этими непременными условиями полноценной идейно-творческой работы. Недостаточно ответственный выбор репертуара стал к тому же в ряде случаев сочетаться с поверхностным, небрежным осуществлением спектаклей. И это в театре, имеющем все силы и возможности вернуть, развить, умножить славу «Победителей»!

«Такое положение дел с репертуаром драматических театров не отвечает интересам воспитания трудящихся и не может быть терпимо в советском театре». Помнят ли руководители Пушкинского театра об этих суровых и справедливых словах постановления Центрального Комитета партии?

Сим. ДРЕЙДЕН